

Добрая весть от Соловьева

Именно этот, а не какой-либо другой смысл был вложен в пафосное название его первой книги

НАЗЫВАЕТСЯ ОНА «Евангелие от Соловьева». Зал бизнес-центра санатория «Юбилейный», где проходила его пресс-конференция, был забит битком. Журналисты толпились в дверях и даже устроились за спиной маэстро слова и пера. А тот благожелательно предлагал им свободные стулья возле себя и даже пожалел девушку-оператора, вошедшую в зал с огромной камерой и штативом: «Да как же вы такие тяжести носите? Передайте своему главному редактору мой большой привет!»

— В Магнитке я впервые, хотя должен был быть здесь давно, так как оканчивал институт стали и сплавов, — начал встречу с журналистами Владимир Соловьев. — По поводу своей книги сразу могу сказать, что не сошел с ума: я не встречался с Даниилом, Антхрист еще не пришел — все нормально, и прямого телефона Путина я не знаю. Точнее, знаю, но не скажу. И вообще, книга написана иронично, поэтому, когда ее на полном серьезе пытаются читать, а потом спрашивают телефон Путина или Даниила, мне как-то становится неловко. Выяснилось, что большинство людей, жестко критикующих, книжку никогда не читали, но их очень смущает название «Евангелие». Это слово по-гречески обозначает хорошую новость: если у вас дети родились в семье, это хорошая новость. Книга разошлась, не знаю, почему так дорого стоит. Это вопрос к издателям. Вторую книгу тоже уже написал — о политике и политиках. В ней досталось всем: и левым, и правым, и центристам.

— Вы много ездите по стране. Что дают вам поездки к нам в провинцию?

— Не люблю слово «провинция», считаю его таким самоуничижительным. Ни у одного европейца, американца, азиата этого нет. Тот факт, в каком ты живешь городе, не имеет никакого отношения к тому, какой ты человек, профессионал или нет. Что, Лев Толстой — провинциальный писатель, что ли? Жил-то в глухомани. Это неверный подход. Мне нравится ездить, общаться с людьми, мне все люди интересны. Каждый человек самобытен. А потом, всегда надо смотреть на ритм жизни. Потому что, например, если каждый день слушать новости радиостанции «Эхо Москвы», то возникает ощущение: все, жизнь кончилась, по улицам ходят энкэвэдэшники и всех, кто бродит на улицах, моментально расстреливают, а «Эхо Москвы» вещает, как минимум, с Магадана. А когда выходишь, смотришь — оказывается, жизнь идет. И наоборот, когда смотришь Первый канал, возникает ощущение, что мы уже давно построили коммунизм, и спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство. И когда все это переходит какие-то рам-

был наш, но на нем якобы сидел Билл Гейтс, когда он приезжал в Москву. Тысяч 15 долларов мы за него получили... Но это были деньги для детского дома.

— А сколько бы, по вашему мнению, стоил стул Ходорковского?

— Думаю, что недорого на самом деле. У меня свое отношение к Ходорковскому, я считаю его преступником.

— В День печати кто-то сказал, что журналистика, как, собственно, многие виды деятельности, умирает и что 80 процентов материалов оплачены.

— Ну, это полное вранье, я не знаю, откуда эти цифры. Я вообще обожаю, когда о нашей профессии говорят люди, в ней не находящиеся. А существует ли проблема оплаченных материалов? Конечно. Но надо отмечать, что существует коммерческая информация, и она оплачивается, и это хорошо. Я пришел в журналистику довольно богатым человеком. Было чем заплатить налоги, но спал я по-прежнему спокойно — уже по другим причинам. И когда мне говорят: давай, мы тебе дадим столько-то, я отказываюсь — репутация дороже.

— Вы много общаетесь с политиками вне эфира.

— Да. И не только с политиками, но и с олигархами.

— Есть ли среди них люди искренние — те, кто остается самим собой и в кадре, и вне его?

— Вне эфира политики, как правило, не особо отличаются. Самые заметные отличия только у Жириновского. У него просто энергетики уже осталось чуть меньше, поэтому он зажигается теперь, только когда камеру включают. Политика — это особая профессия, притом очень тяжелая. Вчера мы спорили с одним милейшим человеком, и он на полном серьезе мне говорит: «Вот, у нас государственная машина направлена против людей». А я ему: «Слушай, а если все люди уедут, государственная машина останется?» Он тяжело задумался...

— Мы задаем правила игры власти, а не наоборот. Это принципиальный момент. Мы привыкли себя всегда оправдывать, в нас живет марксистский фрейдизм. Фрейд оправдал все свои подлости и подлости людей дежаниями их родителей, тем, что дети насмотрелись. Так и мы стали говорить: нет, сам человек не виноват абсолютно, это обстоятельства. У нас в стране никогда не было правового сознания — у нас сознание клановое. Если ты стал начальником и, пользуясь своими возможностями, не помог своим родственникам, ты просто мерзавец. Все время же так. Проблема в том, что власть является концентрацией всего плохого, что есть в нас, а иногда и всего хорошего, что есть в нас. Но мы привыкли считать себя белыми и пушистыми, а их — плохими. Но при этом сами ничего делать не хотим. Нет ни одного человека в стране, который живет по закону. И если вы мне сейчас скажете, мол, это и невозможно, потому что законы идиотические — да. Но мы же говорим: «Да ладно, чего там...» И так будет всегда. Есть глубокое заблуждение наших сограждан: мы считаем, что нам коммунизм кто-то занес. Да никто нам его не занес, это проявление нашей с вами болезни. И все, что происходит, — это проявление наших социальных болезней, а мы все ищем какие-то внешние причины. Раньше был олигархический капитализм, сейчас построили чиновничий капитализм, который на самом деле для людей ничем не лучше. То есть наоборот, намного хуже. Но мы-то по-прежнему считаем, что мы сами ни при чем.

Обожаю, когда о нашей профессии говорят люди, в ней не находящиеся

но. За кого, например, голосовать? А кто его знает! У меня в этом плане выборы между откровенным злом и неоткровенным злом. Кто такой Путин? А я не знаю, потому что это такая сложная шахматная комбинация, где ответ на вопрос, чего он хочет, будет понятен только в самом конце: то ли победит олигархов, то ли все отдать одному конкретному — непонятно. Мне говорят, мол, пресса стала продажной. Ку-ку! Первый, кто покупал прессу, были олигархи. И первый, кто сделал прессу в России управляемой, был Анатолий Борисович Чубайс, когда перед выборами дедушка Ельцина в 1996 году возглавил администрацию президента. И с этого момента начались встречи с главными редактора-

ми, ведущими журналистами. И теперь мне говорят: президентская или думская кампания прошла с нарушением свободы слова — о, как! У нас сейчас в Москве есть либералы, которые говорят: «К власти придет Касьянов!» А чем он лучше Путина по сути своей?

— Он высок и красив.

— Но при этом он чиновник. И когда у кого-то есть сомнения в том, что Касьянов проворовавшийся чиновник, ему надо дружить с головой. Когда говорят, что все чиновники воруют, а премьер-министр чистый, это, конечно, классика жанра. Хрестоматийный пример, когда в кабинет заходит кто-то и говорит: «Вы единственный честный человек здесь». И думаешь: «Сколько раз вы это уже сказали до меня другим?» Если к власти придет Касьянов, у нас будет, что-то вроде оранжевой революции, но цвет у нее будет вполне конкретный — поносный. И придут такие националисты, что мало не покажется: начнут выяснять чистоту крови, и страна умоется ею сполна.

— В связи с этим вы хотите, чтобы ваши дети жили в России?

— Что значит хочу? У меня их пятеро, и все они здесь живут. Если бы я хотел, чтобы они жили не в России, я бы давно их куда-нибудь отправил.

— Ну, просто многие родители отправляют своих детей учиться за границу, когда они подрастут.

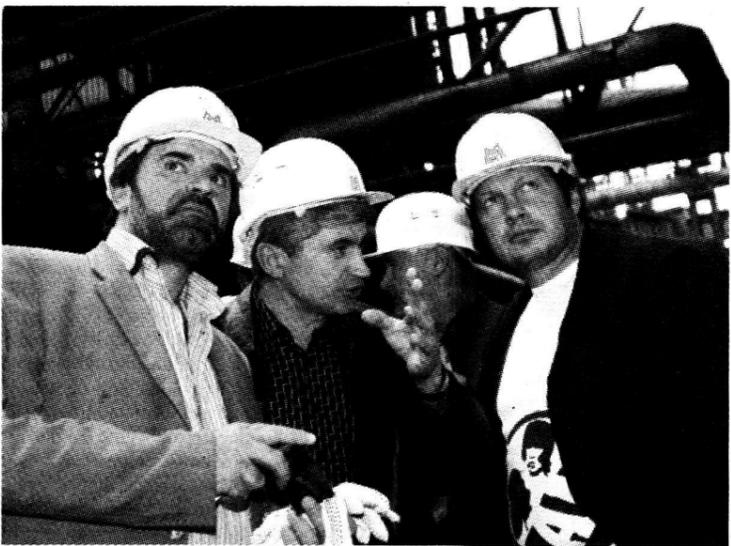
— И очень хорошо! Главное, чтобы они потом сюда возвращались. Многие же отправляют учиться детей из Магнитогорска в Москву. Просто надо получать образование там, где его хорошо дают. Я по национальности еврей, чего никогда не скрывал, при этом никогда не менял ни имени, ни фамилии — но еврей. Я знаю ребят, которые когда-то уезжали в Израиль, а сейчас с радостью возвращаются, живут и работают в России, потому что здесь интересно, клево. В 1998 году, когда случился дефолт, страна была на грани гражданской войны. И тогда все сильно переживали: все, мол, пора отсюда уезжать. Я подумал: а с какой стати? Я дома. Меня дико раздражает, когда порядочные люди говорят: «Все — я устал, вокруг все воруют, я ухожу». О, как! То есть, чтобы подонков было еще больше и твое место тоже занял подонок? Нельзя так, надо бороться.

— А вы считаете, что в России можно зарабатывать деньги, не будучи ни бандитом, ни чиновником?

— Да, но это очень тяжело. Просто я сам зарабатывал деньги в России, не будучи ни бандитом, ни чиновником, более того, и с теми и с другими постоянно воюя. При этом я никогда не занимался торговлей — я не спекулянт. У меня были заводы, я производил дискотечное оборудование, продавал его в Америку, по всему миру. Но потом, когда «насхала» налоговая инспекция, я послал всех куда подальше и перевел свои заводы на Филиппины, оставив маленькое предприятие здесь...

Продолжение отчета о пресс-конференции и эксклюзивное интервью Владимира Соловьева нашей газете читайте в следующем номере «ММ».

Подготовила
Рита ДАВЛЕТШИНА.
Фото Дмитрия и Евгения
РУХМАЛЕВЫХ.

ки, хочется посмотреть на реальную жизнь.

— Билл Гейтс вам как показался?

— Я его ни разу в жизни не видел. Два персонажа, с которыми я лично не знаком: это Билл Гейтс и Папа Римский, с ним я просто не успел близко пообщаться. А с именем Билла Гейтса, тем не менее, действительно связан интересный случай: я продал стул, на котором он якобы сидел. Какие-то безумные деньги мы получили. Правда, стул этот никто никогда не видел, он

мался... Мы привыкли считать, что политика — дело грязное, мерзкое, поэтому оставляем ее, как правило, грязным мерзавцам. А потом удивляемся, почему все так плохо. Мне говорят: тот плохой, этот плохой. Но когда люди приходят в собор и сталкиваются с бесконечными очередями и хамством, что — Путин в этом виноват? Нет. Когда гаишник берет взятку и хамит, разве Путин виноват? Нет.

— Но ведь власть задает правила игры.